

Л.А. Чибиров

Людвиг Алексеевич Чибиров

Владикавказский научный центр Российской академии наук, главный научный сотрудник комплексного научно-исследовательского отдела, профессор, доктор исторических наук, Владикавказ, Россия, e-mail: L.chibirov@mail.ru

Нартовский эпос – художественная биография осетинского народа

Аннотация. Живой быт осетин характеризуется богатством и разнообразием нартовских сказаний, этой художественной автобиографией осетинского народа. В сознании народа ясно сохранились все основные особенности жизни и быта его эпических предков. Осознание неразрывного единства было настолько глубоко, что некоторые семьи в Осетии возводили свое происхождение к нартам (Мелетинский).

Нартовские сказания воссоздают живые картины быта народа, впитали в себя многие особенности повседневной жизни, о чем ярко свидетельствуют приводимые в статье параллели и сопоставления из быта и обычаев нартов и осетин.

Героические сказания продолжают жить в подсознании осетинского народа. Пока народу нужны его сказания, они сохраняют свою жизненную силу.

Ключевые слова: Нартовский эпос, нарты и осетины, обычаи, обряды, параллели, сопоставления.

Lyudvig A. Chibirov

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher, Professor, Dr., Russia, Vladikavkaz, e-mail: L.chibirov@mail.ru

The nart epic – an artistic biography of the ossetian people

Abstract. The living life of Ossetians is characterized by the richness and diversity of Nart legends, this artistic autobiography of the Ossetian people. All the main features of the life and way of life of his epic ancestors have been clearly preserved in the consciousness of the people. The awareness of the inseparable unity was so deep that some families in Ossetia traced their origin to the sleds (Meletinsky).

The Nart legends recreate vivid pictures of the life of the people, absorbed many features of everyday life, as clearly evidenced by the parallels and comparisons from the life and customs of the Nart and Ossetians given in the article.

Heroic tales continue to live in the subconscious of the Ossetian people. As long as the people need his stories, they retain their vitality

Keywords: mhe Nart epic, Narts and Ossetians, Customs, Rites, Parallels, Comparisons.

Еще во второй половине XIX – нач. XX вв. в любом горном ауле и плоскостном селении Осетии можно было встретить певца и услышать от него героическую песню или сказание (*кадææ*) о нартах. Эти песни и сказания дошли до современного читателя благодаря народным певцам, передававшим их из уст в уста, из поколения в поколение. Среди них были такие таланты, как Бибо Дзугутов (Куырма Бибо), Гаха Сланов, Дзарах Саулаев, Кертиби Кертибиев, Инал Каллагов, Леван Бегизов, Кудза Джусоев и др. Многие из них на память знали десятки эпических сюжетов; их репертуар насчитывал до двух десятков сказаний. СобираТЕЛЬНЫЙ образ этих народных мудрецов мастерски воссоздал К.Л. Хетагуров в стихотворении «Кубады».

Первым из ученых, обнаружившим сказания в живом быту осетин в начале XIX в., был Ю. Клапрот [1]. Однако он почему-то не комментировал их. Этого нельзя сказать о В. Пфафе, который впервые услышал нартовские сказания в Куртатинском ущелье в исполнении талантливого сказителя, прекрасного знатока старины Ельбуздуко Жантиева. Это было начало 70-х годов XIX в., когда в

Осетии сказания впервые стали записываться и публиковаться. В. Пфаф писал о необычайной популярности сказаний среди осетин, сам проникся той великой любовью, которую народ испытывал к ним, т. к. они являлись неотъемлемой частью его духовного начала, его национальной составляющей, не скрытой где-то в глубине, а лежащей на самой поверхности жизни. «Всякий осетин, – писал он, – знает наизусть кое-какие места из этой эпопеи, но лишь отрывками и не понимая, конечно, ни связи между этими рассказами, ни их глубокого значения для истории человечества. Редкий старец или даровитый юноша не помнит целиком два-три, и если много – десять рапсодий этого обширного творения народной осетинской литературы» [2, с. 50, 56, 61–62].

Тот факт, что живой быт осетин характеризовался богатством и разнообразием нартовских сказаний, несомненно, подтверждается словами одного из первых собирателей эпоса Дж. Шанаева. По его признанию, «поле для собирания «нартовских сказаний» велико, слишком даже велико» [3, с. 2].

Не сомневался в осетинском происхождении

нартвовского эпоса и М.С. Туганов: «Характер передачи сказаний и обрисовка действующих героев, их обычаи, жизнь нартвов от колыбели до смерти, с их радостями и горем, комизмом и трагедией – все это чисто осетинское. Фантазия осетина их родила, с ними жила и им же дала соответствующий конец» [4, с. 327]. В другой своей работе, продолжая рассуждения о нартах, он писал: «В старину на народные празднества стекались лучшие силы со всех концов Осетии, устраивалась настоящая (говоря современным языком) олимпиада. Лучшие сказители, представители разных ущелий, рассказывались на игорном поле и один за другим состязались в содержательных, лучших напевах и пересказах нартвовских сказаний. Играли они чаще всего на «кисын фандыре» (*хуыйысæр*), реже на двенадцати-струнной (*дыуадæстæнон*) арфе. Музыкальный мотив каждого сказания о каждом герое был строго определен. Мастерство народных сказителей часто передавалось из рода в род, от отца к сыну» [5, с. 87].

В унисон сказанному звучат и слова известной переводчицы эпоса на русский язык Валентины Дынник, которая, переводя сказания, словно пропускала их сквозь себя. «Те, кто интересовался осетинским эпосом, не могли не заметить, что при исполнении отрывков нартских песен, при беглой ссылке во время беседы на один из нартских подвигов или даже при простом упоминании и одного из нартских имен лица осетин – обычно несколько замкнутые, лишенные восточной экспансивности, свойственной другим кавказским народам, – вдруг озаряются серебристым сверканьем радостной и доверчивой улыбки» [6, с. 9]. В другой своей работе «Сюжетика осетинского нартского эпоса и его идеальный герой» она продолжает: «Нартских героев не назовешь обыкновенными людьми. Они обладают сверхчеловеческой силой. Они связаны своим происхождением с миром фантастических существ, постоянно общаются и даже сражаются с ними. И все-таки это люди. Жизнь нартвов, с ее повседневным бытом, с хозяйственными заботами и дружественными пирами, с мирными беседами и жестокими распрями – это человеческая жизнь, всякому понятная. Герои нартского эпоса не отпугивают своим величием, хотя и совершают необыкновенные подвиги» [7, с. 353]. Важно подчеркнуть, что нартвы, хотя и обладают сверхъестественными чертами, в повседневной жизни – настоящие, живые люди, не похожие один на другого, обладающие индивидуальными особенностями. «В художественном сознании осетинского народа необычайную четкость сохраняют все основные персонажи нартского эпоса: выносливый и предусмотрительный, склонный к раздумью старый Урызмаг; горячий и прямой Батрадз; изворотливый и озорной Сырдон, спокойная, не теряющаяся ни при какой опасности Сатана, чувствительный и вспыльчивый Ацамаз» [7, с. 353].

В сказаниях подчеркиваются не только положи-

тельные качества героев эпоса, но и их недостатки. Часто мы в них встречаемся с образом Сырдона, представленного злым гением, способного наговорить, сочинить всякие колкости, Сослана, опрометчивого, забывающего всякую осторожность при гнев, Урызмага, легко поддающегося раздражению, Сатаны, склонной к супружеской неверности, Хамыца, не отличающегося храбростью, но зато славящегося человеком легкого поведения, и т. д.

Связь именитых персонажей Нартиады с жизнью и бытом народа в осетинской версии настолько значительна, что отдельные персонажи эпоса воспринимаются родоначальниками реально существующих осетинских фамилий. Стоит отметить фамилии, восходящие к роду и именам нартвовских героев: *Алæгатæ* (Алаговы), *Æхсартаæ* (Ахсаровы), *Быцентæ* (Биченовы), *Хæмыц* (Хамицаевы), *Челехсæртаг* (Челехсаевы). Многие же старожилы не проводили грани между собой и нартами. Е. Мелетинский писал: «В одной из дигорских деревень жила семья, непосредственно возводящая себя к нартам» [8, с. 37]. О том, насколько близко воспринимали осетины нартвов, писал и В.И. Абаев: «Трудно убедить простого горца в том, что нартвов не существовало в действительности. Он готов согласиться, что многие подвиги и приключения нартвовских героев вымышлены, но чтобы самих этих людей, таких живых, таких рельефных, как бы выточенных из целых глыб, можно было бы выдумать «из головы» – это он никак не может допустить» [9, с. 219]. Связи эти настолько значительны, что, по существу, сложилось своеобразное двуединое органическое единство.

Основным героем Нартвовского эпоса является народ, ибо в сказаниях не только воспеваются подвиги отдельных героев, но показывается жизнь нартвов во всем ее многообразии. Герои-нартвы – выходцы из народа – никогда не порывают связи с ним. Героическая деятельность их направлена на благо родины и народа; каждый стремится прославить свой народ; ни у кого из нартвов нет и тени стремления встать над народом, подчинить его себе. Они храбро борются с грубыми силами природы, с врагами-насилъниками, с небожителями, предпочитая смерть порабощению. Ни перед кем они не склоняют головы, даже перед Богом. Нартвы говорят: «Двери своих жилищ мы устраиваем высокие, иначе, переступая порог, пришлось бы наклонять голову, и Бог подумал бы, что это мы ему кланяемся».

У осетин каждая сколько-нибудь выдающаяся личность древности обозначается почетным названием «нарт» (*нæртон лæг*). До сих пор в Осетии сравнение хозяина дома с Урызмагом, а хозяйки – с Сатаной воспринимается как лучшая дань уважения в устах гостя. Образы могущественных героев глубоко почитались народом. Свидетельство особого пиетета осетин по отношению к эпическим предкам – наречение новорожденных именами героев и героинь Нартиады: Сослан, Ба-

традз, Урызмаг, Хамыц, Тотрадз, Ацырухс, Агунда, Эльда. «Будь таким, как нарт Батрадз» – лучшее пожелание молодому человеку в устах осетина. Лабиринт в Дигории именуется домом Сырдона, а радуга получила название *Сослани андура* (Сослана лук). Склеп, который находится близ сел. Мацута, местные жители именуют могилой Сослана. В конце 80-х гг. позапрошлого века В.Ф. Миллер видел в склепе мужской скелет гигантских размеров. Высокая гора в Северной Осетии носит имя Нарта Уаза (*Уазайы хох*), Млечный путь у осетин – След Арфана (*Æрфæны фæд*). О ласточке говорят, что хвост ее раздвоился, когда Сослан задел его своим мечом. Есть в Северной Осетии большое плоскостное селение Нарт, "нартовские" улицы имеются в столицах обеих осетинских республик. Один из красивейших уголков столицы Северной Осетии украшает скульптурная галерея из образов Нартиады (скульптор – Н.В. Ходов). Согласно информации старожитов из горной Дигории, еще в начале прошлого столетия местами справляли поминки по нартам (*нарти кæнти хист*) как по близким родственникам. Многие годы во Владикавказе функционирует конный театр «Нарт». «Яблоко нартов» – так называлась республиканская премия за лучшие произведения в области литературы, искусства и научного осетиноведения. Герои Нартовского эпоса часто встречаются в произведениях осетинской художественной литературы, изобразительного и музыкального искусства.

Нартовские сказания осетин воссоздают живые картины быта народа, впитали в себя многие особенности повседневной жизни. В них широкое отражение получили обычаи, обряды, нравы, праздничный мир, мифология и религия народа, что свидетельствует о том, что творцами их были далекие предки осетин – скифо-аланские племена. То, как воссоздана в эпосе жизнедеятельность осетин, можно проиллюстрировать нижеследующими далеко не полными сюжетными параллелями.

1. Совершивший шесть экспедиционных поездок по Северной и Южной Осетии В.Ф. Миллер, видимо, имел основание назвать гостеприимство «выдающимся качеством осетин». Гость у осетин – божий гость. Ему уделяли максимум внимания, помогали слезть с коня, обхаживали, обслуживали, в прошлом женщины даже мыли ему ноги. Согласно национальным традициям, гость (даже если является кровником этой семьи) неприкосновенен в хадзаре. «Стоило гостю войти в дом, сесть подле очага, и он становился как бы членом семейства» [10, с. 157].

И нарты были гостеприимны. На свои пиры всегда приглашали гостей, весьма часто ими бывали небожители. Не взять у гостя оружие и не убрать его также было верхом неприличия. Однажды, когда явился в гости Урузмаг, «...выбежали семь юношей, все в золоте и серебре, и окружили Урузмага, сняли его с лошади, взяли у него оружие, понесли его на своих руках к старому своему отцу...».

2. Безопасность гостя у осетин гарантировалась не только в доме. Ему она гарантировалась до тех пор, пока он не переступит границы селения.

В одном нартовском сказании отец поручил своему младшему сыну провести гостя до околицы селения. Узнав о потасовке сына и гостя, отец упрекает его за то, что тот, ударив гостя, совершил постыдный поступок. Юноша отвечает отцу: «Поссорились мы по ту сторону нашей земли, т. е. за пределами границ села» [11, с. 134].

3. Попав в безвыходную ситуацию, осетины заканчивали свою жизнь предсмертной песней. Известен случай, как в годы Первой мировой войны группа осетин попала в окружение. В ожидании неминуемой смерти они запели героическую песню, в которой были слова: «Или свобода, или смерть» («*Кæнæ сæрибар, кæнæ мæлæт*»), после чего они внезапно атаковали превосходящие силы противника и вырвались из окружения, хотя и с потерями.

Во время одного из походов нарты попали к великанам, которые собрались сделать из нартов «шашлыки». Предвидя смерть, Хамыц просит великанов: «Видим мы, что пришла наша погибель. Но перед расправой разрешите нам спеть песню. У нас обычай: перед смертью непременно запеваем мы песню». «Пойте, пойте, горная мелюзга, мелкие людишки! Все равно мы съедем вас!» – ответили великаны нартам. Нарты так громко запели, что их песня поднялась до неба, где в это время находился Батраз. Услышав тревожную песню сородичей, он спрыгнул с неба и истребил всех великанов [11, с. 332].

4. Немало параллелей и в свадебном обряде. К примеру, калым был обязательным условием для совершения процесса бракосочетания [12, с. 337–340].

Когда было достигнуто соглашение о выдаче дочери Солнца Ацырухс за Сослана, от нартов для свадьбы потребовали сотни голов разных видов животных, кроме того, невероятно труднодостижимая задача стояла перед женихом – достать листья Аза-дерева, растущего в Стране мертвых [13, с. 177]. Калым Сослана за дочь Солнца представляет вариацию весьма распространенного мотива о браке, обусловленном выполнением женихом трудных поручений.

5. После заключения брачного договора посредники устанавливали обязательства сторон. Среди них был подарок жениха для матери невесты – конь («*мады бæх*») [14, с. 370].

При дележе добычи Саууай выделил товарищам по охоте львиную долю стада, а себе оставил пегого жеребенка. Как полагалось по обычаю, жеребенка он собирался подарить матери своей невесты – Сатане [11, с. 406].

6. В свадебном обряде было обязательным трехкратное обведение невесты вокруг очага родительского дома во главе с шафером.

В одном из вариантов сказания «Борьба Бората и Ахсартаггата», когда невесту Ахсартаггата заби-

рали из хадзара Бората, ее обвели вокруг очага, а шафер вознес молитву Всевышнему.

7. По древнему осетинскому обычаю, муж обязан был забрать жену в свой дом после свадьбы. Жить в доме родителей супруги (*мидæгмой*) считается постыдным для мужчины по настоящее время.

После излечения раны Дзерассы Ахсартаг и Дзерасса поженились. Прожив определенное время у ее родителей, Ахсартаг говорит своей жене: «Оставаться нам в доме твоих родителей не подобает» [11, с. 53]. На желание невестки жить со своим супругом Адылом (сыном Урызмага и Сатаны) в доме ее родителей ответ Урызмага, Хамыца и Сослана был однозначным: «Стыдно нарту жить в доме тестя. А твоему отцу мы выкуп за тебя заплачим» [11, с. 96]. Если нарт оставался жить в доме тестя, тем самым он позорил весь род.

8. У осетин в обязанность зятя в доме родителей супруги входило заклание и свеживание животного, предназначенного для застолья.

В сказании «Безымянный сын Урызмага» в доме родных Сатаны Урызмагу, как зятю, было предложено зарезать барана для застолья в его честь [11, с. 80].

9. По осетинскому обычаю заклание жертвенного животного сопровождается обрядовой процедурой: «Молодой человек подводит барана к домашнему очагу. Подходит старик, берет животное за левый рог и произносит молитву богу и святому, которому посвящается жертва. По окончании молитвы старик горящим поленом делает крестообразную метку на шее и на морде... Затем старику подносят араку; он выплескивает часть ее в огонь, дает отпить мальчику и остальное выпивает сам» [15, с. 264]. На этом роль старика заканчивается и начинается процедура заклания.

В одном сказании Сослан на охоте прицелился в золоторого оленя и только хотел пустить стрелу, как подошел к оленю какой-то юноша, накинул ему на рога шелковую веревку и повел за собой. Сослан познакомился с юношей, и тот пригласил его в дом отца. В знак уважения хозяин дома решил гостю принести в жертву оленя. Привели того оленя, и старик провел сажай по оленьему лбу (вариант – поднес ко лбу оленя лучину), после чего дал Сослану право зарезать его [13, с. 103].

10. По настоящее время за традиционным столом соблюдается обычай куватгаг: после произнесения первого тоста старший передает чашу с пивом и кусочком мяса самому младшему, чтобы тот отведал (*аходын*).

В сказании «Ацамаз и красавица Агунда» читаем: «Поднялся седоголовый Татартуп, снял он шапку и произнес молитву. Удачный Ацамаз, маленький сын Аца, первым отведал куватгаг – жертвенное пиво и мясо» [11, с. 375]. На эту тему в сказаниях имеется и следующий сюжет: «Прежде чем приступить к еде, Урузмаг, по обычаю нартов, поднял на острие меча кусок мяса, Богу предназначенный, и вознес молитву, затем протянул его мальчику. Тот

хотел быстро подбежать к нему, но споткнулся и упал на меч» [11, с. 80]. Очевидно, в старину именно меч был обязательным в процедуре подношения *аходын* младшим.

11. Хадзар для осетина являлся не только помещением, где трапезничают, отдыхают и проводят время, но и домашней святыней, где висит надочажная цепь. Он условно делился на мужскую и женскую половины. Без присутствия женщины хадзар немислим [10, с. 155–163].

Построив общий дом, нарты обратились к Сырдону, чтобы услышать из его уст похвалу. Однако Сырдону дом не понравился – из-за того, что посредине не хватало надочажной цепи и отсутствовала женщина-хозяйка [13, с. 208–210].

12. За традиционным столом осетины рассаживались по старшинству. Обязательными атрибутами такого застолья были голова, шея, курдюк, смысловое назначение которых восходит корнями к древним временам. Как писал Уарзиати, за ритуальным столом «голова считалась самым главным кушаньем, символизовавшим главу пиршества, шея представлялась ее заместителем...» [16, с. 163].

Положив воловью голову перед Урызмагом, Саргой говорит ему: «Ты старший среди нартов, ты и глава! Отныне пусть будет в обычае оделять старшего в доме головой. Да будет он, подобно голове, одарен разумом...».

Второй сын кривого Али, Гургой, положил перед вторым старшим, Хамыцем, шею барана со словами: «С честью седи рядом со своим старшим, главнее всех голова, но чтобы высоко держать голову, нужна шея. Как бы ни была тяжела голова, у тебя должно хватать силы держать ее. Пусть крепка будет шея, чтобы никто никогда не сломал ее...».

Третьему старшему, Сослану, достался курдюк от третьего сына Али, который пожелал Сослану, чтобы потомки с честью произносили его имя, чтобы младшие его почитали, а старшие любили [11, с. 466–469].

13. У осетин по настоящее время обязательным бывает тост за молодых, и вместе с выпивкой передают им и ухо жертвенного животного.

В эпосе встречается сюжет передачи старшим отрезанного правого уха младшему с пожеланием: «Будь бдителен! Вовремя услышь грозящую беду и будь готов встретить ее». Аналогично пожелание и при передаче берцовой кости (*сэуы*): «Вот тебе *сэуы*! Как бы ты его ни изрезал, что бы ты с ним ни сделал, не скажет «ой» этот *сэуы*. И так же, как он нечувствителен, чтобы и ты так не чувствовал никогда боли в ногах и никогда не уставал от ходьбы» [11, с. 467, 468].

14. Взять на воспитание чужого мальчика (*хъан*) считалось почетным делом, и немало было таких случаев в Осетии.

Из нартовских сказаний известно, что небожитель Сафа взял на воспитание сына нарта Урызмага, малолетнего Айсану, а воспитателем Сай-

наг-алдара был сын Урузмага Крым-Султан [13, с. 376–378].

15. Осетинские селения в горах разбиты на кварталы (*сых*), встречаются кварталы в основном патронимические, носят имена первопоселенцев или фамилии переселенцев [10, с. 38–43].

Из таких же кварталов состояло селение Нартов. Разозлившись на Бората, Урузмаг с войсками ворвался в селение, перебил лучших мужей и ограбил их жилище, оставив нетронутым только *Куырдыты сых* (Квартал кузнецов) [13, с. 370].

16. У осетин считалось посрамлением лишить женщину ее ценностного женского атрибута – волос, что могло закончиться кровопролитием.

В эпосе Насран-алдар расправился со своими бездетными женами, укоротив фалды их платьев и отрезав у них косы – волосы на голове. «Народ, посмеиваясь над женами своего князя, бросал в них камнями, комками грязи и плевал на них, за то, что они не одарили Насран-алдара детьми [13, с. 319].

17. Первые выстрелы по дичи предоставляют старшим, младшие по возрасту не имеют право стрелять.

На охоте молодежь подняла крик и шум, лиса выскочила из кустов, и Урузмаг ее убил. В походе безымянного сына Урузмага с отцом сын пригнал скотину, а он ее угнал [11, с. 86] и др.

18. У осетин существовал обычай просить подарки.

Когда у Сайнаг-алдара гостили все небожители, он сказал своему воспитаннику, сыну Урузмага Крым-Султану: «Если ты хочешь ехать в поход против агуров, то мои гости сделают тебе по одному подарку». И небожители одарили Крым-Султана подарками: Уастырджи подарил коня (*уадтымыгъ*), Уацилла – *гамхуд*, Тутыр – меч, Ног-бон – ружье [11, с. 376–378].

19. По обычаю «*уайсадын*» жена при старших родственниках мужа не имела права говорить громко. Никто из старших не должен был слышать ее голоса [11, с. 81].

Услышав из соседней комнаты рассказ Урузмага об обстоятельствах гибели его сына, Сатана, «схватила себя за волосы и в горе расцарапала щеки свои. И стала она причитать:

– Славные мужи, из лучших лучшие, и почтенные старые люди, не осуждайте меня, простите, что в голос плачу я перед вами» [11, с. 81]. И далее поведала, как втайне от мужа передала сына в родительский дом на воспитание.

20. Кульминационным моментом при примирении кровников у осетин являлся обряд усыновления убийцы путем прикосновения губами к груди матери убитого.

В нартовских сказаниях безымянный сын Урузмага отвечает сыну неизвестной старухи: «Я мать твою назвал своей матерью, я держал ее грудь во рту своем и дал ей слово сберечь тебя» [13, с. 68].

21. Трус у осетин осуждался обществом, а тело

убитого в спину не положено было хоронить на родовом кладбище.

Мать Тотрадза, узнав о его гибели, сказала молодым нартам: «Если сын мой сражен ударом в грудь, то принесите его и похороним на родовом кладбище. А если в спину – не место ему на кладбище как трусу» [11, с. 210].

22. Поминки у осетин продолжались в течение года и завершались большими годовыми поминками – *афæдзы хист*.

В единоборстве с Сосланом Тотрадз был сражен. И далее читаем в сказании «Сослан и Тотрадз»: «Понесли тогда Тотрадз на кладбище и похоронили его рядом с его родичами. Целый год устраивала по ним поминки безутешная мать» [11, с. 210].

23. Осетины устраивали скачки в честь покойника. Одна из форм чествования – *алæм*. «Родственники умершего изготавливают *алæм* – нечто вроде креста или хоругви из скрешенных жердей с нитями, на которых нанизываются пряники, фрукты, грецкие орехи и конфеты... Чаше всего *алæм* вручали молодым людям, которые верхом на лошади начинали скакать по улицам села... молодежь сбивала пряности, яблоки. Когда на *алæм* оставалось мало предметов, всадники отправлялись на кладбище на могилу чествуемого покойника» [15, с. 272]. Победителей непременно одаривали подарками.

Бората устроили поминки в честь предков. «Между Белым и Черным морями находится остров, оттуда начнутся скачки, а на Площади игр в селении нартов будет развеяться знамя. Кто первым к этому знамени прискачет, тот возьмет себе главную долю победителя» [13, с. 393].

24. Согласно обычаю «*барысчы*», осетинки держали пост по своему умершему мужу, брату, отцу и пр. в течение года, т. е. до годовых поминок.

Убитый Сосланом юный Тотрадз, с соизволения хозяина Страны мертвых Барастыра, поднялся на землю и, расправившись с Сосланом, говорит матери: «Вот тебе правая рука Сосырыко, испившего мою кровь и обидевшего тебя несносно. Ты разговей ею свой долгий по мне *барысчы!*» [13, с. 380]. Еще пример. Отрубленную руку убийцы отца Сайнаг-алдара Батрадз принес к Сатане. Бросил перед ней руку и говорит:

«Нана! Мое сердце освободилось от боли, отомстил я за кровь отца» [13, с. 285].

25. У осетин существовало поверье, будто ворота преисподней затворяются с закатом солнца.

Безымянного сына Урузмага Барастыр отпустил из Страны мертвых, с условием, что он вернется обратно к заходу солнца. Побыв в удачном походе с отцом, он поспешил обратно в Страну мертвых. Когда в убегающем мальчике Шатана узнала своего погибшего сына, она кричала ему вслед:

«О ты, что был моей радостью, о ты, на которого я не нагляделась при жизни! Хотя бы одного взгляда не пожалей для меня, хоть обернись ко мне!»

Не обернулся к ней мальчик.

«Солнце заходит, время мое истекает, тороплюсь в Страну мертвых!» – прокричал он ей [11, с. 89].

26. Много параллелей об этикетных нормах поведения. По обычаю осетин, мужчина, которого в гости приглашает невестка семьи (тем более вдова), не мог отказаться от приглашения, если состояние его здоровья позволяло.

Задумав расправу над Урызмагом, Бората устроили пир и послали за ним свою невестку. Догадываясь о коварном плане Бората, Урызмаг вежливо отказался от приглашения. Во второй раз к нему послали вдову, которой выдающийся нарт, блюститель обычаев, уже не мог сказать «нет» [13, с. 235].

27. Этикет и правила приличия обязывают женщин при входе в дом мужчины вставать и стоять на ногах до тех пор, пока вошедший мужчина не сядет или не предложит хозяйке сесть.

В одном сказании Урызмага сильно возмутило поведение одной девицы: когда он вошел в дом, девица не поднялась с места.

28. У осетин не встать при виде старшего и не ответить вежливо на его приветствие считается проявлением крайнего неуважения младшего к старшему.

В одном сказании обращает на себя внимание непристойное поведение гордого алдара, который

не ответил на приветствие старого Урызмага и даже не захотел смотреть в его сторону.

29. Зайти в хадзар без предупреждения, когда в нем только одна женщина, у осетин до сих пор считается неприличным поступком.

Крым-Султан въехал во двор Сослана, слез со своего коня и прямо вошел в комнату Сослана, где сидела его красавица жена. Такое непристойное поведение юноши обидело девушку, и она не стала даже подниматься с места [13, с. 382–383].

30. У осетин было принято дарить подарки тем, кто сообщал приятную новость. Этот обычай дарения и сам подарок называются словом «хæрзæггурæггаг».

Однажды Урызмаг и Сатана долго не появлялись среди нарттов. Недоумевали нарты: «Должно быть, они пропали». А когда они приехали, нарты стали сообщать друг другу эту радостную весть (хæрзæггурæггаг).

Примеры, свидетельствующие о том, что нарттовский эпос – это плоть и кровь осетинского народа, порождение его подсознания, вышеприведенными сопоставлениями не ограничиваются. Особенности сказаний осетин в том, что героические образы нарттов живут не только в сказаниях. Они с полной силой продолжают жить в сознании народа, они как бы сохраняют в сознании самостоятельное существование. Пока народу нужен его эпос, он, этот эпос, сохраняет свою жизненную силу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 // ИСОНИИ. Вып. 2. – Ордж., 1948.
2. Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // ППКОО. Кн. 7
3. Шанаев Дж. Осетинские народные сказания // ССКГ. Вып. У. Отд. 11. – Тифлис, 1871.
4. Туганов М.С. Кто такие нарты? // ИОНИИК. 1. – Вл., 1926
5. Туганов М.С. Новое в нарттовском эпосе // ИЮОНИИ. Вып. 1. – Сталинур, 1961.
6. Дынник В.А. Сказания о нартах. Предисловие и вступительная статья. – М., 1944.
7. Дынник В.А. Сюжетика нартского эпоса и его идеальный герой // СКЭНК. – М., 1969.
8. Мелетинский Е.И. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос. – Ордж., 1957.
9. Абаев В.И. Избранные труды. Т. 1. – Ордж., 1990.
10. Чибиров Л.А. Поселения и жилища осетин. – Вл., 2020.
11. Сказания о нартах. Осетинский эпос. – М., 1978.
12. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. – Ордж., 1968.
13. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. – М., 1989.
14. Осетины // Серия «Народы и культуры». – М.: Наука, 2012.
15. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. – Вл., 1992.
16. Уарзиати В.С. Избранные труды. Книга первая // Этнология. Культурология. Семиотика. – Вл., 2007.

REFERENCES

1. Klaprot YU. Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprin'yatoye v 1807–1808 // ISONII. Vyp. 2. – Ordzh., 1948.
2. Pfaf V.B. Puteshestvie po ushchel'yam Severnoj Osetii // PPKOO. Kn. 7
3. SHanaev Dzh. Osetinskie narodnye skazaniya // SSKG. Vyp. U. Otd. 11. – Tiflis, 1871.
4. Tuganov M.S. Kto takie narty? // IONIIK. 1. – Vl., 1926
5. Tuganov M.S. Novoe v nartovskom epose // IYUONII. Vyp. 1. – Stalinur, 1961.
6. Dynnik V.A. Skazaniya o nartah. Predislovie i vstupitel'naya stat'ya. – M., 1944.
7. Dynnik V.A. Syuzhetika nartovskogo eposa i ego ideal'nyj geroj // SKENK. – M., 1969.
8. Meletinskij E.I. Mesto nartskih skazanij v istorii eposa // Nartskij epos. – Ordzh., 1957.
9. Abaev V.I. Izbrannye trudy. T. 1. – Ordzh., 1990.
10. Chibirov L.A. Poseleniya i zhilishcha osetin. – Vl., 2020.
11. Skazaniya o nartah. Osetinskij epos. – M., 1978.
12. Magometov A.H. Kul'tura i byt osetinskogo naroda. – Ordzh., 1968.
13. Narty. Osetinskij geroicheskij epos. Kn. 2. – M., 1989.
14. Osetiny // Seriya «Narody i kul'tury». – M.: Nauka, 2012.
15. Miller V.F. Osetinskie etyudy. – Vl., 1992.
16. Uarziati V.S. Izbrannye trudy. Kniga pervaya // Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika. – Vl., 2007.